

Литературная Находка

Выпуск № 1

Приложение к газете «Находкинский рабочий»

В добрый путь!

«НАХОДКИНСКИЙ рабочий» уже выпускает несколько приложений к газете: «Молодежный карман», «Домовой» и другие. Задумано еще несколько, концепция которых сейчас разрабатывается.

И первое из новых - «Литературная Находка». Оно приурочено как раз к выходу из печати в одном из крупнейших издательств Владивостока «Уссури» находкинского альманаха «Литературная Находка», в котором под одной обложкой собраны более сорока авторов. Кстати, его презентация намечена на 28 февраля в интернациональном клубе моряков.

В настоящем приложении публикуются произведения не только авторов, как говорится, уже состоявшихся, выпустивших свои книжки, но и пробующих перо, и которые впервые увидят свою фамилию в газете. Так что в добрый путь, литераторы Находки!

Редколлегия «НР».

**КАК ОДНА СВЕЧА ЗАЖИГАЕТ
ДРУГУЮ И ОДНОЙ СВЕЧОЙ
ЗАЖИГАЮТСЯ ТЫСЯЧИ,
ТАК И ОДНО СЕРДЦЕ ЗАЖИГАЕТ
ДРУГОЕ, И ЗАЖИГАЮТСЯ ТЫСЯЧИ.**

ЛЕВ ТОЛСТОЙ.

Это только начало...

Михаил Гутман - «Попытка прогулки», «Трактор жизни», «Два одиночества», «Одиночества», готовит к печати «Избранное».

Александр Шипицын - «В девятый вал грехопаденья», «Молодой Чемодан», «Оказавшись перед фактом собственной жизни...»

Станислав Кабелев - «Тайна хребта Чандалаз», «Расцвет Солнечной долины», готовит к печати повесть «Сучан - Царь Шамбалы».

Геннадий Фокин - «Признание в любви», «Гавань Надежды», «Тайна Лисьего острова», готовит к печати «Залив Америка».

Павел Шепчугов - «Ветер перестройки», «За пеленою пролетевших лет», «Все на земле идет по кругу».

Федор Устюгов - «Жареная луна».

Родион Гаврилов - «Временем реабилитированные».

Юлия Воробьева - «Паутина».

Светлана Симонова - «Жасмин».

Николай Тertyшный - «Пришел и говорю».

Георгий Безгласный - «Находкинский вальс».

Сотрудниками муниципальной культуры «Централизованная библиотечная система» (ЦБС) выпущены сборники стихов «Во мне, как музыка...» и «Находка...» и несколько сборников стихов, написанных детьми.

Литературный клуб «Эле-

На вашу книжную полку

ЗА ПОСЛЕДНИЕ два года
издали свои книги
находкинские авторы:

«Элегия» готовит к печати сборники стихов Натальи Забавниковой и Михаила Дербенева.

НА СНИМКАХ: актив городского литературного клуба «Элегия» на приеме у мэра Находки Виктора Гнездилова, фото на память.

ВДОХНОВЕНИЯ, ОТКРЫТЫЕ "ЭЛЕТЦЕЙ"

НАВЕРНОЕ, для многих издание и выход в свет новых книг (стихов и прозы) наших земляков - находкинцев стало в последние годы явлением довольно привычным. Быть может, кто-то подумает, мол, сейчас имей деньги и выступишь что угодно. Так-то оно так, но по-настоящему талантливые люди всегда были и остаются в дефиците. А в нашем городе такие личности есть, и с каждым годом их ряды пополняются. Увы, руководители находкинской культуры особо не интересуются их творческой судьбой. Но, слава Богу, среди общественности нашлись люди, кто постарался объединить одаренных находкинцев, помог им выйти на широкого читателя, издать свои книги.

Их стали читать в разных уголках дальневосточной земли. Бывало, даже благодарные читатели присылали восторженные отзывы на стихи и рассказы находкинских авторов, а недавно пришло письмо от литературоведа, кандидата филологических наук, преподавателя из Хабаровска Валентины Катеринич, где она, размышляя над творчеством талантливого Михаила Гутмана, совершенно не случайно называет Находку восточным полюсом русской поэзии.

В литературной среде города и края хорошо известен находкинский литературный клуб «Элегия», который и стал своеобразным пристанищем, творческой лабораторией для наших поэтов и прозаиков и которому недавно исполнилось 30 лет. А создала его в далеком 70-м и руководит им по сей день Дина Владимировна Усатая.

В конце 60-х годов моло-

дым специалистом-библиографом пришла она на Приморский судоремонтный завод и развернула мощнейшую деятельность заводской библиотеки. Сама очень любила поэзию и старалась почаще проводить разнообразные поэтические вечера в цехах предприятия. Постепенно сложился коллектив людей, которые вместе с Диной Владимировной реализовывали все творческие задумки, являясь сценаристами, режиссерами, художниками и исполнителями самых разных, проводимых в те годы мероприятий.

- В.Бардина, Е.Татаренко, С.Кабелев, В.Димов, А.Цыбуля, Г.Полуживец, Е.Колегова, Ю.Почечуев, Е.Болотова и многие другие были активистами нашей библиотеки, с которыми мы и создали литературно-художественный клуб «Элегия», - рассказывала Д.Усатая. - Сейчас вспоминаю, как много интересного делали в свободное от работы время и, что называется, на общественных началах, какой

интересной жизнью жили. Вечера поэзии превращались в целые театрализованные представления, которые мы ставили в конференц-зале завода, где собиралось много зрителей. Как часто мы ездили по подшефным селам, совхозам, выступали в воинских частях, школах, в интерклубе, преследуя главную цель - познакомить людей с творчеством великих писателей и поэтов. Вероятно, у нас это получилось, потому и организовали на базе нашей «Элегии» городское общество книголюбов.

Кстати сказать, «Элегия» всегда с вниманием относилась и к творчеству местных авторов. В первые годы деятельности клуба известными были имена поэтов-земляков Г.Фокина, Ю.Кудрявцева, Г.Безгласного, владивостокцев Л.Князева, Лапузина. С ними и организовывала «Элегия» встречи в самых разных коллективах.

- Годы перестройки наложили свой отпечаток на судьбы людей. С заводом многие из наших акти-

вистов, в том числе и я, расстались, работать стали в других местах. «Элегия» какое-то время не действовала. И неудовлетворенность по поводу того, что не встречаемся, не общаемся, не фантазируем, угнетала, наверное, каждого из нас, - говорила Дина Владимировна. - И вот пришел тот момент, когда мы вместе со Станиславом Владимировичем решили возродить наш клуб. Оборудовали помещение в доме по улице Луначарского, 6, которое получили благодаря поддержке мэра. И открыли двери всем, кому дорого поэтическое и литературное слово.

К нам вернулись многие из тех, с кем мы начинали работать в «Элегии», стали приходить новые одаренные люди, творческие начинания которых мы с удовольствием поддерживали, предоставляя им возможность выступить перед аудиторией, опубликоваться в периодической печати, выпустить сборники стихов и рассказов.

Здесь следует сказать больше - Д.Усатая отредактировала и подготовила к изданию произведения многих находкинских авторов и они ей искренне признательны за это. Во многом благодаря этой замечательной женщине по-домашнему уютный и теплый клуб «Эле-

гия» объединил маститых, известных далеко за пределами города поэтов и прозаиков, таких, как М.Гутман, Г.Фокин, А.Шипицын, П.Шепчугов, С.Кабелев, Н.Тertyшный вместе с начинающими Ю.Воробьевой, А.Тарабриной, С.Симоновой, В.Шильниковой.

- Сегодня главными задачами клуба является знакомство горожан с творческой деятельностью наших земляков, издание художественно-публицистической литературы об истории Находки, - делились своими планами Д.Усатая и С.Кабелев.

«Элегию» справедливо называют стартовой площадкой, местом пробуждения к творчеству и вдохновению очень многих находкинцев. В настоящее время здесь проходят замечательные литературные, поэтические, музыкальные вечера, открывающие все новые и новые имена одаренных людей. Здесь каждый чувствует себя своим, здесь открыты двери всем, кто стремится привнести в нашу жизнь огонь своих сердец.

Ирина ШУМЕЙКО.

Михаил ГУТМАН

Зимняя фантазия

Д. Толстобе

1. Гнал ветер снежную крупу.
Продукты молча дорожали.
И мощностью в одну толпу
автобус брали горожане.

Все, как и прежде. Как и встарь.
Но... что-то в мире не хватало.
А ну-ка, незнакомец, встань
вон там. Правее. Как бывало.

Ну, так скорей ввинтись в толпу,
покуда ей не взят автобус.
Гнал ветер снежную крупу.
А было времечко - Толстобу...

2. Сказало радио вчера,
что где-то в Африке жара.
А я подумал: вот те раз!
У них жара, а здесь, у нас,
мороз под двадцать градусов.
Но ребятишкам радостно.
Шумят, барахтаясь в снегу,
и от мороза не бегут -
еще бы! Снег всю ночь валил
и мир вокруг перебелил,
как говорит, начисто.
И все хотят в нем значиться -
кто санным следом, кто смешком,
кто метко брошенным снежком,
и знать не хочет детвора,
что где-то в мире есть жара...

3. А ввечеру посыпал снег.
Ну, повалил. Ну, как угодно.
Наутро с некультурной мордой
какой-то важный Имярек
снегоборочный весь люд
вдруг нецензурно озадачил...
А где-то в Африке верблюды
смотрел на мир совсем иначе...

Отвечу, милые мои!
Чего же не ответить.
Да, пропавал младые дни
то с той, то с тем, то с этим.

Нет, ни о чем я не жалел.
Так чудно жить на свете!
Ах, как я искренне шалел
то с той, то с тем, то с этим.

А что сегодня стар и сед,
и вдруг узнал, что смертен,
не разделю ни слез, ни бед,
ни поражений, ни побед
ни с той, ни с тем, ни с этим...

И снова о бессоннице

1. Ночь. Луна подслеповато
из-за туч косит на снег.
За окном обосновался -
шутка ль! - двадцать первый век.

Но не спится, как в двадцатом
веке, - няня ни при чем.
Днем барбос за палец цапнул -
нрав барбосин не учел.

Как в двадцатом - сигарета
дым струит недорогой.
То ль не спится как поэту,
то ли в век забрел другой...

2. Где-то на окраине глуши
вновь не спится - возрастное что-то.
То ли вправду некуда спешить,
то ли расставание души
с телом пропустить мне неохота...

Да, не был я в Ницце. Но слышал, она
сим фактом ничуть даже не смущена -
живет себе в ритме обычном.
Подумаешь, Гутман! Расейский пиит!
Что выяснять, кстати, еще предстоит -
расейский или русскоязычный?

Подумаешь, Ницца! Плевать я хотел
на виды красиво откормленных тел -
мне все эти виды привычны.
Но будь я и Гутман преклонных годов,
всегда конкурировать с ними готов
во всем своем русскоязычьи.

Возможно, Расея того и ждала,
но... Не был я в Ницце. Такие дела...

Затем мне были подарены по почте сборники "Два одиночества" и "Трактор жизни". Наконец, поэт сам прислал экземпляр своей первой "многострадальной книжки" - "Стихи". («Ленинград-Париж. 1990»). Так что стихотворный свиток Михаила Гутмана разматывался для меня от конца к началу: мудрый стоик, странник, бражник, гуслир и певец Мишка. Признаюсь, я испытала филологическое

новую функцию как защита-нападение...» (Из письма).

Поэт в ту пору переживал "страдания молодого пенсионера" и писал: "И я, увя, дошел до той черты, где не хватало только нищеты, чтоб я был признан полностью великим..."

Что до водочно-тракторной темы в творчестве Михаила Гутмана, то стоит напомнить одно общее положение: судьбу поэта можно воспринимать сентиментально или саркастически, но в

элементах в отношениях поэт-читатель) неизбежно побуждают сопоставить творчество дальневосточника с таким неопределенным явлением современной литературы, как постмодернизм. Общее - это отношение к классике. В приверженности к классике Гутмана есть и восторженный наив, и морская свежесть, и легкая ирония (недаром он жалеет, что хозяйка дома не предложит поэту альбом, чтобы по-старинному черкнуть в нем мадригал). В "Поэме сморя" развер-

ЭПИСТОЛЯРНЫЙ РОМАН с Михаилом Гутманом

(послесловие читателя)

В МАЕ 1999 года я получила из Находки книгу стихов и поэм Михаила Гутмана "Попытка прогулки". Эпистолярное знакомство произошло благодаря другому поэту из Приморья Евгению Лебкову, который и поведал мне об оригинальной музе Михаила Гутмана. Выходит, в Приморье живут поэты, которые встречают друг друга не надменной улыбкой, а приветом и пониманием.

изумление от стихов Гутмана. Классической по черк, искусное перо, интеллектуальная отвага. Выходит, в Находке расположен восточный полюс русской поэзии, там с 1983 года живет и странствует по морям и океанам поэт-мореход Михаил Гутман, в прошлом ленинградец, теперь - дальневосточник. Трудно удержаться от каламбура: поистине находка!

Перелистываю фотоальбом, посвященный 50-летию Находки и изданный Приморским морским пароходством. Как органично информационные тексты перемежаются поэтическими строками:

**В провинциальном городке,
а если точным быть - в Находке,
что мог бы в качестве наклейки
весь уместиться на руке,
живу в прекрасном далеке
от всех столиц, тусовок, смогов,
где говорят все, слава Богу,
еще на русском языке...**

Поэт словно накинул романтический плащ в старинном духе, но стихи легко вбирают в себя самую современную современность:

**Зальем тоску-печаль-кручину-грусть,
мартелем-шерри-бренди-джином!
Гуляй на все, загадочная Русь -
нам искони противен дух наживы...**

Конечно, бешабашное веселье лирического героя отдает отчаянием, но стихи радуют, потому что написал их свободный, искренний, мужественный человек. Я сказала ему в письме, что это - "анакреотическая лирика наших дней". Поэт ответил экспромтом, как он это делает всегда: "Что до экспромтов, то они у меня давно носят чисто рефлектор-

любом случае не нужно замыкать поэзию на биографию. Речь о реальных и гипотетических претензиях читателей, скажем, к сборнику "Трактор жизни": нехорошо, мол, смотреть на мир из-под тракторной стойки. На это поэт ответил в очередном экспромте:

**Смотреть на жизнь через трактор
мне предпочтительнее все же,
чем через сортир
смотреть, пускай и с трезвой рожей...**

Неискушенному читателю можно было бы объяснить, что в самом названии сборника есть отсылка к стихотворению Иннокентия Анненского "Трактор жизни" ("Вокруг белеющей психеи..."), что это литературный прием, что Гутман погружен в традицию и т. п. Но это не объяснит того, как ему удается гармонически объединить литературную красоту метафор с неприглядными реалиями обыденной жизни. Мало кто так трезво и прямо пишет сегодня про водку, как Михаил Гутман.

Ленинградская, питерская, Санкт-Петербургская нота придает приморской музе Гутмана особое очарование. Оттуда, с берегов Невы истоки его поэтики. Язык старой русской поэзии для него живой. От тех огней, что светили ему на балтийских берегах в пору молодости, вдохновения стихов, написанных на мысе Челюскина, в Атлантике, в Яванском море, в Гонконге, Иокогаме и других географических точках земли. Словом, нормальный классицизм. Его долго не печатали, он и теперь считает, что "быть поэтом на земле - скорей проклятие, чем мужество".

...Наблюдения над поэтикой Михаила Гутмана (цитатность как сквозной прием, игровые

элементы в отношениях поэт-читатель) неизбежно побуждают сопоставить творчество дальневосточника с таким неопределенным явлением современной литературы, как постмодернизм. Общее - это отношение к классике. В приверженности к классике Гутмана есть и восторженный наив, и морская свежесть, и легкая ирония (недаром он жалеет, что хозяйка дома не предложит поэту альбом, чтобы по-старинному черкнуть в нем мадригал). В "Поэме сморя" развер-

**Теперь, когда мне некуда спешить,
подумать о спасении души,
наверное, пора...**

Пора сказать, что лирика Михаила Гутмана - философская поэзия мысли, не боящаяся противоречий и неразрешимых вопросов. Неземной мотив - одиночество лирического героя. Не то чтобы он был затерян в пустынных пространствах бытия, он сам выстраивает свое одиночество, приходит к нему как к неизбежности. Он сам выбрал себе участь жить в глухой провинции у моря. Он ищет те места, где нет ни спутницы, ни спутника. Он выбирает (возвращается) в одиночество, где не предстает ни друг, ни любимая. То есть нравственные страдания души таковы, что одиночество единственное спасение. Времена нас возвышающих любовей прошли, осталось разочарование. Конечно, это настроение поздних стихов, не случайно ведь написал он "Невстреченной женщине". Этой теме посвящены венки сонетов "Час осени" и "Час зимы", составившие сборник "Два одиночества" (1999). Написанные высоким слогом, полные иносказаний, они вполне отвечают романтическому образу поэта. Если бы не конкретные выпадения в сторону общественной морали, готовой во имя себя казнить любовь:

**...О, многоликие фарисейское
от инквизиции святой
до православия расейского!**

...Трагическую нездешность подчеркивает где-то на периферии и еврейская тема, которая, как и всякая национальная тема, не может не быть болезненной. Печально, иронически звучит в триптиле "Попытка прогулки":

**Мне-то что, я - Гутман. Я - не лезь.
Я - молчи. Я лишь русскоязычен,**

Михаил Гутман

ОДИНОЧЕСТВА

чем в культуре русской неприличен...

Еще один парадокс Михаила Гутмана: "Да нет, какой с меня славянофил? Ну разве только в смысле алкоголя..." Нет никакой необходимости приводить подтверждающие цитаты. Гутман - русский поэт и пишет о России, о чем же еще?

...Поэту по душе пришла бердяевская мысль о том, что "творить культуру Россия радостно не может..." Кстати, приведу еще фрагмент письма Михаила Гутмана, в котором есть интересные самонаблюдения: "...В основном же штурдирую В. Розанова, Л. Шестова, Н. Бердяева, В. Соловьева, П. Чаадаева. К постмодернизму отношусь настороженно в том смысле, что по прочтении не покидает ощущение, что все это уже было... Возможно, даже со мной. Почему нет?". Круг философов, упомянутых в письме и в поэтических текстах, конечно, много говорит о напряжении его духовной жизни. Но муза его стихов легкая и изящная, мироощущение поэта выражено в классических стройных стихах, в шутиливой интонации, в сюжетной игре вокруг винопития. Мужественный взгляд в лицо жизни (и смерти) подразаывается, а не декларируется. В одном из писем декабря с горечью прочла:

**Земной наш обогнул я трижды шар.
И вот конец моим приходам дальним.
Бреду себе, мыслишками греша,
что драма, верно, тем и хороша,
что в чем-то хоть от зависти избавлен...**

Пусть извинит меня за дерзость Михаил: да избавит его от искушения "примерить страданий выдуманных крест" тень его любимого Мандельштама, витающая неподалеку, над Второй Речкой во Владивостоке. Тогда стихи были в цене, за них расстреливали, теперь их некому читать. Но поэзия не прекратилась и в конце XX века. А личная драма поэта, даст Бог, разрешится.

...По мере движения во времени и в пространстве поэтический дар Михаила Гутмана проявляется все полнее, хотя и обретает более мрачную тональность. Его эрудиция подлинная и безупречная, сокровища культуры он добывает из скрытых кладов самостоятельности...

Валентина КАТЕРИНИЧ, кандидат филологических наук.
(Печатается в сокращении.)

Геннадий БОГДАНКЕВИЧ

Размышление у зеркала в купе

Лейтенант, да ты ли это,
В блеске золота погон,
Песни пел про бабье лето
Под гитары перезвон?

Помнишь, мчал на север поезд
Сквозь заснеженную даль.
Кортик, золочёный пояс,
За отличие - медаль.

А в кармане назначенье,
Рядом штурмана диплом.
Удаль, молодость, веселье
Были в облике твоём.

И едва восторг скрывая,
На себе ловил не раз,
Где-то должным принимая,
Милый взгляд девичьих глаз.

А одна, решив отважно,
За тобой - на край земли...
Но её любовь однажды
Злые вьюги замели.

Многим так остудит душу
Заполярным холодком,
Что про север даже слушать
Не захочется потом.

Мера времени иная -
День да ночь, и год прошёл.

И я до сих пор не знаю,
Потерял или нашёл...

Перевернута страница
Вечной книги бытия,
Скорый поезд к югу мчится,
Вот вагон, а вот и я.

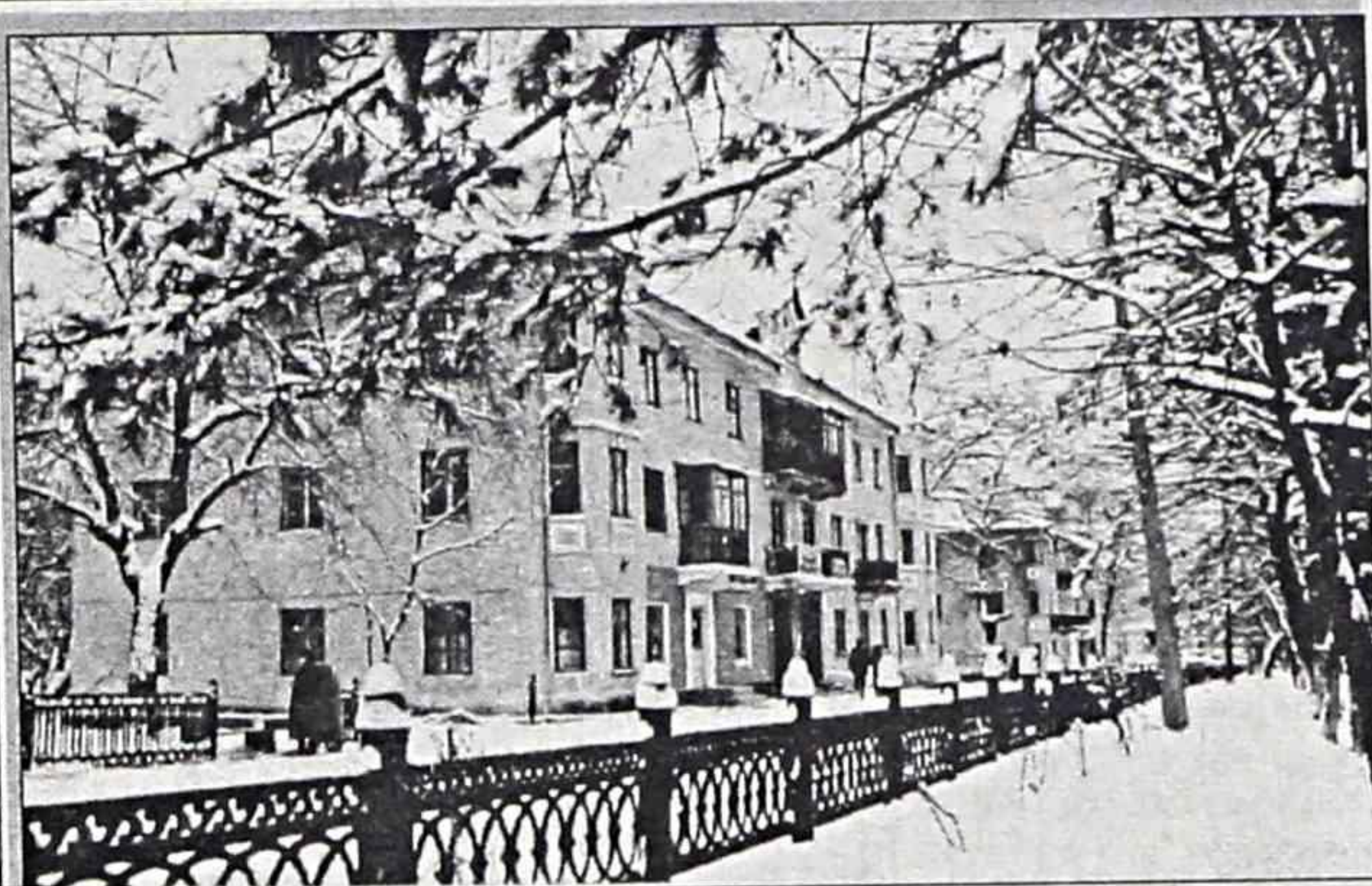
Китель, в два ряда медали
И погоны тяжелей.
Да ещё виски блистали
Пеной северных морей.

Что ж, пропела песни юность
Под зовущий вой тревог,
Мне оставив жизни мудрость,
Опыт странствий и дорог.

Молчалив и без ошибок,
Нравом, видимо, крутой,
До локтей одних нашивок,
Глянет - точно волк морской.

Что ж, красавицы, не спорю,
Но хотел вам доложить,
Чтобы волком зваться в море,
Человеком нужно быть.

Лейтенант, да ты ли это?
Все прошло, как дивный сон.
Только кружится планета
Под гитары перезвон.

Юлия ВОРОБЬЕВА

А вдруг? А может?

Звездным небом приходит зима в города.
Наполняются дрожью артерии улиц.
Холодеют ладони родного двора,
Фонари одиноко уныло согнулись.
Звон мороза повис в тишине площадей,
Дробь шагов торопливых откликнется эхом.
Гладь зеркальная рано темнеющих дней,
Поскользнувшийся был и остался потехой.

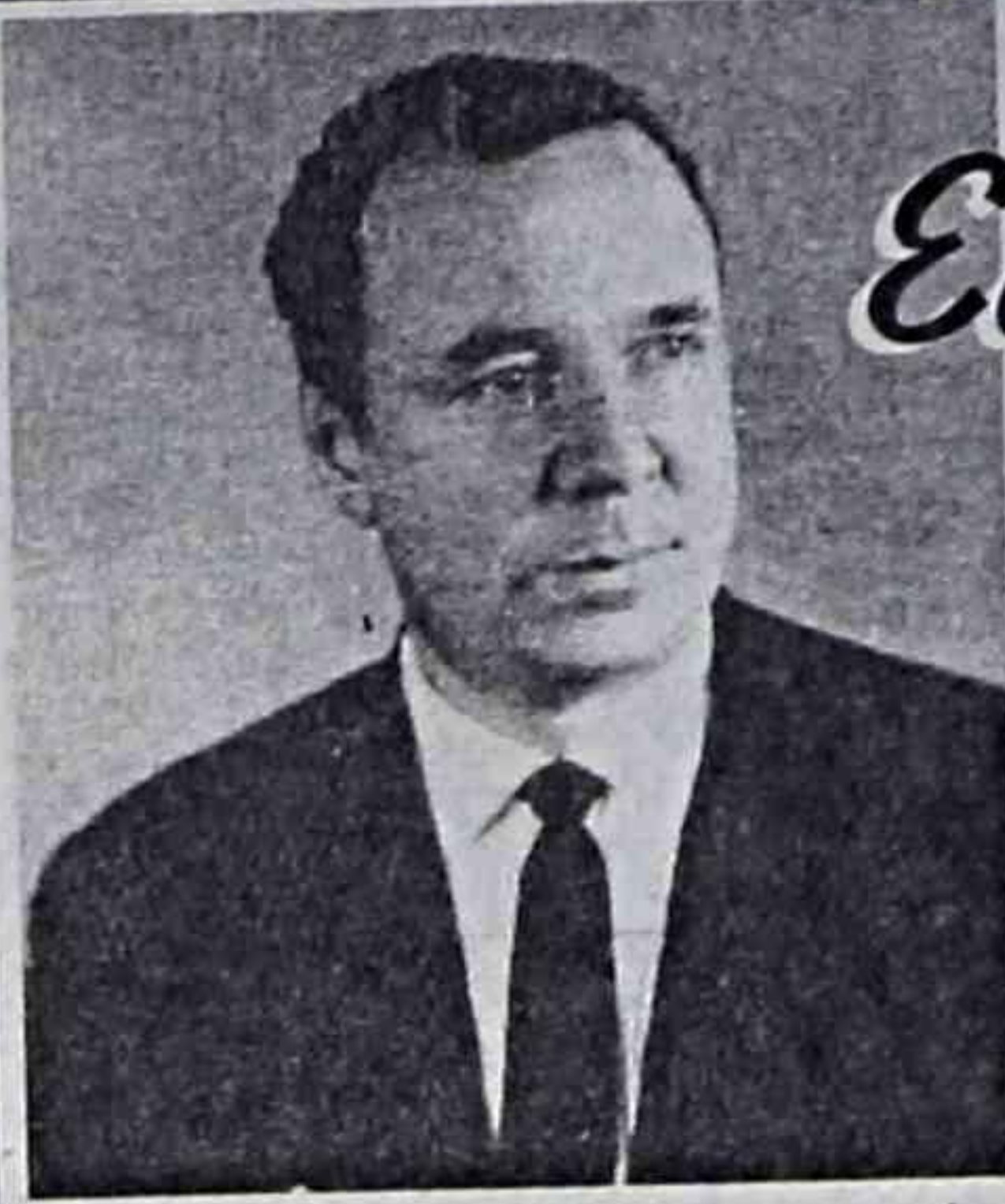
Разлука вышита дождем.
Печаль залатана

листой.
А мы идем своей судьбой,
Я одинока, ты с другой,
Отдельно общий грех

несем.
В дороге - заросли
дурмана,
В случайной радости -
шипы,
В мечтах - воздушные
шары,

А взгляд - зрачки его пусты.
И всюду - россыпи обмана.
А вдруг? А может? Нет, увя...
Дом из песка исчез с волной,

И дождь стоит передо мной,
Я сквозь него тянусь рукой.
Да, здесь вы, кажется, правы.
- Она слепа, - сказали вы.

Родион ГАВРИЛОВ

Есть все-таки Бог!

(Отрывок из второй книги
«Временем реабилитированные».)

- Ах вы, антихристово семя!
Бумагомаратели, - кричала Степанида. - Желаете здоровыцца, а сами прете горбом нажитое!

Вот и в очередной раз Федор ушел в лес без пельменей. А Степаниду осенило - заставила Гутьку «сходить по большому» и этот отработанный «продукт» завернула в такой же узелок и повесила на то же место. Наутро он исчез...

- Подавитесь, окаянные! Гутька еще вам наложит...

И повторила эксперимент с такими же «пельменями». И отвадила воришек от своего двора. Теперь узелок с пельменями всегда висел на своем гвозде.

...Богдан улыбнулся, вспомнив дедушку Саву, о котором ходили легенды. Например, о том, как Сава готовился к смерти. Целыми днями он обтесывал и долбил толстую сосну, пока не получился гроб с крышечкой. Хранил он гроб под навесом.

Вообще-то Сава был мужиком хорошей закалки и, кроме мелких недомоганий, никакая хвороба его не брала. Но как-то сильно занедужил и пошел посмотреть на свое убежище в будущей заgrabной жизни. Гроб исчез! «Не иначе нечистая сила поработала...» - подумал Сава. - Но зачем ей христианский покой, если в рай им все равно не попасть? Или кто пошутил да спрятал - не поздоровится варнаку...»

Соседские ребята, случившиеся рядом, подсказали, что это мог сделать новый председатель сельсовета. Сава покостылял в сельсовет, находившийся в одном доме с правлени-

ем колхоза. Народу перед дневной разнарядкой собралось изрядно. Сава, растолкав всех, пробился к новому преду:

- Ты, перелетная птица, куда гроб задевал? Тебе еще рано в его ложиться! Верни немедленно, иначе не поздоро-

вится, - Сава показал на небо. - Он всё видит!

- Дедушка Сава, не беспокойся. Умрешь, новый сделаем, еще получше, - расплылся в улыбке председатель.

- Ты, сукин сын, вперед меня помрешь, - закашлялся от гнева Сава, голос сорвался, и он поковылял домой, нашептывая молитву...

Через несколько дней председатель, переправляясь через бурный Уркан, утонул. Все верующие восприняли это как доказательство того, что Бог есть и это он наказал председателя за кощунство...

Анна ТАРАБРИНА

Теплота любви реальна.

Н. Рерих.

Моя зеленоглазая любовь,
тебя качают волны океана.
А в городке с желтеющей листвой -
прозрачные лиловые туманы.

И листья золотой осенний сад
струит по ветру медленно и нежно.
Прекрасен мир! И нет пути назад,
И сожаленья нет, но есть надежда.

Румяная разбойница - зима
на ледяном ковре, смеясь, закружит.
В камине жаром затрещат дрова,
и жар любви мою согрет душ.

Сама мысль - это действительно магнит и мощная стрела.

Н. Рерих.

Я чашу выпила до дна.
За что она была дана?
В награду, иль за прошлый грех
и горечь слез, и звонкий смех?

Но светлой мысли водопад
не знает никаких преград.
И красок огненный узор
мне тело грел и нежил взор.

И огненных вибраций тон?
Моя душа, как камертон,
твоей созвучна, и она
барьером догм разделена.

В калейдоскопе бурных дней
светильник свой несуд одна.
И небо вновь благодарю,
что мне была любовь дана.

Геннадий ФОКИН

МУЗЫКА МОРЯ

*МОРЕ... Здравствуй, море!
Вот я снова вернулся к тебе.
Теперь уже навсегда. Ты видишь
окно моего дома? Вот то, что
днем и ночью открыто
настежь. Оно у самой воды.
Засыпая вечером, я слышу твое
усталое дыхание. Просыпаюсь
утром и вижу тебя
помолодевшим и умытым. Ты
рано встаешь, вместе с солнцем.
Или ты никогда не спишь?*

Но постой, мне кажется, ты не узнаешь меня, старина? Конечно, много воды утекло. Разве упомнишь всех мальчишек, влюбленных в море! Их так много.

Но все же я напому тебе одну историю и, может быть, ты увидишь на своем берегу того мальчика, которого качало на своих волнах, как в колыбели, когда он еще и не родился даже, ибо мать его была рыбачкой. И который первые свои шаги сделал на твоём берегу и первые слова, которые он произнес, были «мама» и «море».

И когда он, играя, увлеклся и забегал дальше, чем положено, ты тихонько, совсем по-матерински, шлепало его волной и осторожно выносило на берег.

А когда он подрос, научился хорошо плавать и разговаривать, вы часто беседовали наедине. Мальчик умел очень хорошо слушать и понимать твои шорохи и звуки. «Когда ты вырастешь большой, мальчик, а это будет очень скоро, я дам тебе белый-белый, легкий, как это облако (мальчик смотрел на небо), корабль и ты уплывешь далеко - далеко и увидишь много - много прекрасных стран. Ты будешь хорошим, как твой отец, моряком и ты научишь людей не бояться моря», - слышалось мальчику в шелесте волн. И он осторожно оглядывался, как бы боясь, не подслушивает ли кто их с морем тайны.

Но люди равнодушно бродили по берегу, бросали камушки в воду и лежали на горячем песке, подставив солнцу свои животы и спины.

Однажды мальчик заболел. Он пролежал в постели всю осень и зиму и только весной, похудевший и весь какой-то прозрачный, вышел из дому.

Он постоял на крыльце, оглядываясь и улыбаясь знакомым вещам: старой лодке, лежащей вверх днищем во дворе, важному рыжему петуху, старому неприятелю, огромным загорелым соснам, обступившим их домик толпой старых добрых великанов, облакам и солнцу, уже клонившемуся к вечеру, и быстро пошел к морю. Мать едва поспевала за ним.

Она видела, как мальчик пошатнулся, когда из-за дюны ударил в грудь ему тугий свежий ветер. Мальчик остановился. Матери казалось, что он опять слишком долго стоит на этом холодном ветру. Но боялась его окликнуть. Она думала о том, что на этом самом ветру он и простудился, слишком часто она разрешала ему бегать к морю. Слишком часто...

Обыкновенный насморк перешел в воспаление легких, потом осложнение на уши ... и все. И хотя мать давно уже поняла, что ее мальчик ничего не слышит, все же она ждала этого момента. Она ждала не чуда, нет, просто знала, как он любит море.

Вдруг он обернулся к ней и как-то неестественно громко спросил:

- Мама, почему я не слышу моря? Разве оно замолчало?

Он видел море. Оно все так же играло красками заходящего солнца, все так же лизало белыми языками прибрежные камни. Но это было уже другое море, страшное в своем молчаливом движении. Мальчик видел море, но не слышал его...

Мальчика возили в большие города, показывали знаменитым докторам, но они, выслушав рассказ матери и осмотрев мальчика, разводили руками.

- Ничего нельзя сделать...

И только один молодой доктор сказал матери:

- Я знаю этот случай и, наверное, смогу помочь вам. Но нужно время. Поезжайте домой и ждите, я позову вас.

А мальчик опять приходил к морю каждый день, садился на песок у самой воды. И море откатывалось, шурша, будто боялось замочить его старенькие сандалии. И начинало мур-

лыкать, словно ласковый котенок, которого почесали за ухом. Но мальчик просто сидел и смотрел.

Тогда море начинало петь ему какие-то свои песни, тихие и прекрасные.

Мальчик сидел долго, до темноты. Он видел, как садилось солнце, как на песчаной косе укладывались спать чайки, как вдаль на фоне заката появлялся треугольный парус запоздавшей яхты. Он поворачивал голову вправо и тотчас же там вспыхивал зеленый огонек маяка.

И, не оборачиваясь назад, он уже знал, что за ним пришла мама. Он вставал и шел ей навстречу.

Взяв мальчика за руку, она заглядывала ему в глаза и видела в них слезы...

По ночам он видел сны. Вернее, один сон, бесконечный и однообразный. И совсем не детский. И каждый раз сон начинался на одном и том же месте.

Будто бредет он, проваливаясь по колено в горячий, обжигающий песок, а кругом нет ничего, кроме этого песка. Целое море песка. И даже песчаные холмики были похожи на застывшие волны. И ему казалось, что это его море, ласковое и прохладное, злой волшебник превратил в эту песчаную пустыню, по которой он идет уже давно и долго, сам не зная, куда и зачем. И он живо представлял, как где-то глубоко под ногами задыхались и умирали рыбы. А он, плача, все шел и шел. Хотелось пить. И солнце над головой было горячее, как печка. Почти теряя сознание, он кричал: «Мама!»... и просыпался.

А время шло. Пролетело. Затем зима, холодная и ветреная. Мальчик все реже бывал у моря. И все чаще спрашивал у матери: «Когда же?..» А она сама ничего не знала, но верила и ждала, поглаживая светлые волосы сына.

Зимой море замерзло и было похоже на то море, что мальчик видел во сне. Только это было белое и холодное. И он не любил такое море. Быть может, потому, что еще помнил: такое море молчит, пока весенние ветры не разгонят льды. Тогда появлялось то море, которое он любил - шумящее, пахнущее свежими огурцами.

А зимой ... Только иногда, очень редко, мальчик отыскивал невдалеке от берега две лунки рядом, пробитые рыбаками. Лунки были похожи на глаза огромного умирающего животного. Они смотрели на мальчика грустно и виновато, как бы стыдясь своей беспомощности.

И, когда лунки затягивало тоненькой пленкой льда, мальчик тихо уходил.

Он так и не научился «разговаривать» руками. Но зато научился понимать то, что ему говорили, по движению губ.

И вот однажды утром он проснулся, оттого что мать, обняв его, плакала и крупные слезы падали ему на лицо. Увидев, что мальчик проснулся, она торопливо заговорила. Он смотрел на ее губы и не мог уловить слов. Спыхватившись, мать медленно произнесла несколько слов. Он понял.

- Когда же? - вскочил он.

- Сейчас, - ответила мать и стала доставать из-под кровати чемодан.

Потом они сели в машину, и она повезла их прочь от моря. Когда оно в последний раз мелькнуло между дюнами, мальчик вздохнул и больше не смотрел назад. Впереди бежала дорога, пыльная и длинная...

Теперь ты вспомнило, море, этого мальчика? Прошло много лет. Мальчик вырос. И хотя он не стал моряком, он по-прежнему любит сидеть на берегу и слушать музыку моря, крики чаек и шелест волн, гудки пароходов и скрип уключин. А рядом загорелые мальчишки все так же отчаянно бросаются в воду. Другие мальчишки, из другого детства.

И кто знает, может быть, кому-то из них ударит в сердце музыка моря и пойдет он, очарованный, туда, где всего слышнее эта музыка, в море, и увидит он дальние страны, и, сойдя на берег где-нибудь на маленьком островке, затерянном в океане, скажет чернокожим кудрявым мальчишкам: «Здравствуйте! А вот и я...»

Наталья
ЗАБАВНИКОВА

Годы

Годы! Не летите, словно кони!
Дайте счастья досыта напиться!
Не хочу в безудержной погоне
Пролететь по жизни в колеснице.

Я еще себя не исчерпала.
Кровь любви в моих играет жилах.
Я еще всех таинств не познала,
Я не все стихи свои сложила...

Годы! Не летите, словно птицы!
Жизнь прекрасна, но неповторима!
Дайте счастья досыта напиться
С тем, кого зову своим любимым!

Кто из нас, неумелых поэтов,
не мечтает о славе ночами.
Есть, конечно, но дело не в этом.
Просто столько всего за плечами!

Просто хочется всем поделиться -
и цветами, и лесом, и морем.
Сколько песен в поэтах хранится,
сочиненных на светлом просторе!

В них любовь и мечты, и надежды.
Иногда - горький вереск разлуки.
В них вдыхает весенняя свежесть
тишины разноцветные звуки...

Знаю я, неумелым поэтам
грезить славой, конечно же,
стыдно.
Но с тетрадью делить мне все это
и легко, и до боли обидно.

Мальчишка златокудрый,
чумазый и босой,
ласкал ладошкой утро
и брызгался росой.

Он радугой в карманы
пытался уложить.
И тропку из тумана
до солнца проложить.

Как маленький кудесник,
он знал язык цветов.
Играл ромашкам песни
на струях родников.

К земле прижавшись ушком,
дыханье затая,
он с восхищеньем слушал,
как шелестят поля.

Как бабочки играют
на флейте васильков.
И как хлеба вырастают
из хрупких стебельков...

Мальчишка златокудрый
был чист, как родничок.
Ему хотелось утро
запрятать в кулачок.

Чтоб завтра пробудиться
и вновь счастливым быть.
Ведь стоило ж родиться,
чтоб Родину любить!

Олег КАБАЛИК

Корка хлеба на стакане.
Вот уж скоро сорок лет
Дню, в который, по преданью,
Обещал вернуться дед.

И стоял стакан под хлебом,
Верно, деда поджидал -
Он под украинским небом
Только «без вести пропал».

Всё, казалось, хлопнет дверью
И, медалями светясь,
Взглядом он стакан измерит,
Крякнув, скажет: «Пронеслась!»

И закружится застолье,
Всё в объятьях, как в тисках.
Но проходят годы, солью
Оседая на висках.

Вот и стали старше деда
Мать и я, и брат - пацан.
Но, как прежде, в День Победы
Хлеб кладется на стакан.

«Литературную Находку»
подготовил
Геннадий ФОКИН.